

УДК 130.2

DOI: 10.17223/1998863X/34/23

Р.А. Юрьев

ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И ИСТОЧНИК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ФАКТА

Рассматривается теория речевых актов в рамках аналитической философии. Исследование теории речевых актов выглядит крайне актуальным в контексте «лингвистического поворота» в XX веке. Наиболее известные понятия теории могут быть использованы как в философии права, так и имеют важное значение в вопросах онтологических оснований общества, отношения между языком и сознанием. Рассматривается эволюция теории речевых актов от ее исходного понятия «перформатив» до попытки построения социальной онтологии в понятиях конститутивного правила и институционального факта.

Ключевые слова: речевые акты, институциональный факт, статусные функции.

Джон Лэнгшо Остин является основоположником теории речевых актов в рамках аналитической философии XX века. Теория наиболее полно изложена в его произведении «Слово как действие» [1] и создавалась в результате ревизии господствующих позитивистских взглядов, которые не рассматривали обыденный язык в качестве отдельного предмета исследования. В этом смысле работы «позднего» Л. Витгенштейна и Дж. Остина заслуживают отдельного внимания. Теорию речевых актов Остина интересует обыденный язык. «Было замечено, что в описательные на первый взгляд утверждения, — пишет Дж. Остин, — бывают вкраплены совершенно несуразные слова, указывающие вовсе не на какие-то новые особенные свойства описываемой действительности, а на обстоятельства, в которых делается данное утверждение, на оговорки, которыми необходимо его сопроводить, и то, как следует его понимать, и т. п.» [1. С. 25]. В связи с подобным поворотом аналитической философии от логически идеального языка к обыденному теория речевых актов от Дж. Остина к Дж. Сёрлу даёт обширное поле для междисциплинарных исследований. Терминологический аппарат теории, например, продуктивно прижился в известной «драматургической социологической теории» И. Гоффмана. Именно микросоциологический анализ повседневных взаимодействий проводился с учетом методологии теории речевых актов, где в качестве базовых принципов рассматривается контекстуальность и фактичность значения [2]. Необходимо отметить инструменталистскую теорию: высказывая условия успешности речевого акта и даже рассматривая его как основу социальных конвенций, авторы не претендуют на анализ их содержания с точки зрения их истинности и окончательности значения. Поэтому теория речевых актов вполне уместно действует в рамках распространённой парадигмы десубстантивации, перформативности и фактичности значения в аналитической философии в целом [3].

Дж. Остин вводит такое понятие, как «перформатив», или «перформативное высказывание»: «Название указывает, что производство высказывания

является осуществлением действия: естественно предполагать, что в этом случае происходит не просто говорение» [1. С. 27]. Язык с точки зрения речевых актов не отражает реальность, а активно участвует в её преобразовании. Классические примеры, приведённые английским философом:

«Да (т.е. я согласен взять эту женщину в жены) – высказывание в ходе брачной церемонии».

«Нарекаю судно “Королева Елизавета” – слова, сопровождающие разбиение бутылки с шампанским о нос судна».

«Я завещаю свои часы брату – слова из завещания».

«Держу пари на шесть пенсов, что завтра будет дождь».

Безусловно, появление в научном дискурсе такого понятия, как «перформатив» (перформативное высказывание), знаменует собой нечто иное, чем воззрение логического позитивизма на функционирование языка. Ведь существует огромный пласт повседневных взаимодействий, которые не ограничиваются в коммуникативном смысле обычными констатациями. В то же время Дж. Остин сразу обращает внимание и на экстралингвистический аспект функционирования языка: важен также контекст «говорения», благодаря которому «перформатив» становится успешным.

Предметом анализа у Дж. Остина становятся обстоятельства, препятствующие проведению какой-либо социально-коммуникативной процедуры. Условиями успешности перформатива у Дж. Остина считаются:

– наличие конвенциональной процедуры, в которую входит произнесение необходимых слов определёнными лицами в соответствующих обстоятельствах (А.1);

– лица и обстоятельства должны быть пригодны для проведения процедуры (А.2);

– процедура должна выполняться участниками правильно (В.1) и полностью (В.2);

– лица, участвующие в процедуре, должны иметь подлинное намерение к совершению соответствующих поступков (Г.1);

– впоследствии они должны вести себя соответственно (Г.2) [1. С. 32–33].

Например, если в ходе брачной церемонии кто-либо из гостей произносит «Да», подразумевая согласие взять некую женщину в жёны, или если не уполномоченное лицо вдруг решит, разбив бутылку с шампанским, назвать какое-либо судно каким-либо именем, то процедура будет неудачной и недействительной.

Теория Дж. Остина оказала большое влияние на облик англо-американской традиции философствования. Наиболее яркими последователями и сподвижниками Дж. Остина в логико-философском прояснении речевых актов стали Герберт Харт и Джон Сёрл.

Г. Харт в работе «Приписывание ответственности и прав» [5] рассматривает многие вопросы, связанные с функционированием речевых актов в правовой сфере и юридической деятельности.

Г. Харт утверждает, что высказывания могут быть в целом разделены на два типа: первые – это дескриптивные, т. е. те, которые описывают положение дел в рамках истинности и ложности, и вторые – это аскриптивные, которые приписывают некий статус определённому положению дел. С точки зре-

ния Г. Харта, юридический язык представляет собой большое поле для аскриптивных высказываний. Высказывания «это – твоё», «это – моё», «это – его» говорят не просто о наличии фактического владения, что кто-либо, я или кто-то другой обладают вещью как предметом физического мира, но мы прежде всего добавляем к этому фактическому владению право пользования, дарения, уничтожения и проч. «Произносятся такие предложения, особенно в настоящем времени, мы часто не описываем, но фактически осуществляем или производим некое действие; с их помощью мы притязаем на право собственности, наделяем такими правами или передаем их, когда на них притязают, признаём или приписываем такие права, притязают на них или же нет; и когда эти слова употребляются таким способом, они соотносятся с подтверждающими их фактами во многом тем же самым образом, что и решение судьи» [5. С. 131]. Особенность аскриптивов в языке права в том, что они обладают отменяемым характером.

Почему, например, высказывание «он его ударил» в юридической практике не может быть исключительно дескриптивным, Г. Харт объясняет следующим образом. Кто-то совершил действие (удар), в этом действии, к примеру, обвиняют некоего Джона («Джон его ударил»). Чисто дескриптивным описанием это действие быть не может: во-первых, здесь истинность или ложность этого положения дел приписываются, а не описываются, а потому могут быть отменены в случае, если мы столкнулись с какими-то новыми обстоятельствами («Джон ударил его случайно», «Джон пытался убить комара», «Это сделал не Джон, а Смит» и т. д.). Во-вторых, вердикт судьи не описывает «умысел», а приписывает его. Открывшиеся новые обстоятельства дела не описывают фактический состав, а полностью его изменяют.

То, что понимание дескриптивности юридических терминов ведёт к абсурдности вытекающих из этого понимания следствий, Г. Харт демонстрирует в работе «Волевые акты и ответственность». «Поведение является “намеренным” или представляет собой “волевой акт”, – пишет Г. Харт, – если мышечное сокращение <...> вызвано желанием к этим сокращениям» [6. Р. 99]. Подобное понимание ведёт к тому, что с помощью так называемых «минимальных сокращений» невозможно объяснить более сложные действия, такие как захлопывание, нанесение удара кому-то: мы не можем сказать, какие намеренно мышцы мы сокращаем, прежде чем совершить что-либо. Границы между волей и действием крайне неопределённые (как, например, состояния аффекта, лунатизма и т. д.).

Итак, речевые акты изменяют реальность – индивиды вступают в брак, заключают пари, признаются виновными или невиновными, но возникает совершенно новый вопрос – о первичности языка и социальных институтов. Ведь получается, что некоторые типы дискурсов обыденной речи наделяются правом аскрипции, правом задавания (иногда даже крайне строгих) условий для осуществления успешности речевого акта. В этом смысле работы И. Гоффмана дают обширный эмпирический материал, где американский социолог говорит, например, о существовании феноменов «стигмы» и «тотального института» (total institution) [7].

На этот вопрос пытается ответить один из наиболее известных учеников Дж. Остина – Джон Сёрл. Особое значение в раскрытии сущности речевых

актов у Дж. Сёрла имеют работы «Как вывести “должное” из “сущего”» [8], «Речевые акты: эссе по философии языка» [9]. Книга «Свобода и нейробиология. Размышления о свободе воли, языке и политической власти» [10] примечательна тем, что в ней автор пытается на основе более ранних работ эксплицировать свою социальную онтологию.

Теория речевых актов претерпевает в творчестве Дж. Сёрла определённую эволюцию, связанную с необходимостью введения понятия сознания для объяснения контекста речевой ситуации. С точки зрения Дж. Сёрла, ни одна социальная теория не будет плодотворной, если мы не введём в неё понятие «сознания». Сознание у Дж. Сёрла является отдельной проблемой исследования, и, не вдаваясь в подробности обширных дискуссий в философии сознания в англо-американской традиции, примем как факт то, что сознание у него обладает свойством индивидуальной и коллективной интенциональности. Сознание (для нас в данном случае неважно, какую оно имеет природу – материальную или идеальную) необходимо для объяснения того факта, что в ситуации речевого акта задействованы не только лица, но и часто задействованы предметы окружающего нас мира. И эти предметы каким-то (пока для нас непостижимым) образом являются частью контекста, в котором осуществляются перформативы. Безусловно, что, например, правила успешности перформатива соблюдены, но помимо намерений и действий участников, в контекст речевого действия всегда попадают и предметы окружающего мира. Почему после произнесения слова «Да» вместо кольца нельзя подарить футбольный мяч или диск любимой рок-группы? Теория Дж. Остина не даёт ответ на этот вопрос, вернее, может дать его в смысле нахождения в самой ситуации и будет, скорее, относиться к правильности выполнения процедуры. «Теория аскрипции» Г. Харта ближе к искомому ответу, например, говоря о том, что источником наделения того или иного смысла может выступать законодатель, суверен (говорящий, к примеру, «Это его обручальное кольцо»), но тем не менее экстралигвистических оснований источника аскриптивного утверждения, чем просто наличие выносящего утверждение субъекта, дать не может.

Так вот, по Дж. Сёрлу, социальная ситуация возможна, если есть агенты, которые обладают «коллективной интенциональностью» и разделяют убеждения, намерения, верования и т. д. Коллективная интенциональность создаёт «социальные факты», которые есть не что иное, как «любой факт, включающий коллективную интенциональность двух или более человеческих или животных агентов» [10. Р. 85]. Физические объекты начинают обладать особым статусом, несводимым к их физической структуре, а статус позволяет выполнять определённые функции, которые Дж. Сёрл называет «статусными» (status functions).

Статусные функции позволяют перейти от грубого факта к институциональному путём введения так называемого конститутивного правила «Х считать как Y в C»: «Такая-то и такая-то персона, которая удовлетворяет определённым условиям, считается президентом, такой-то и такой-то тип объектов считается деньгами в нашем обществе, а наиболее важное, мы должны увидеть, что такая-то и такая-то последовательность звуков и знаков считается предложением и даже считается речевым актом в нашем языке <...> Институциональные факты конституированы существованием статусных функций»

[10. Р. 89]. Конститутивные правила – это такие правила, которые задают возможности нового поведения. «Очевидный пример – это правила шахмат. Шахматные правила не только регулируют игру в шахматы, но, скорее, игра в шахматы конституируется действием в соответствии с определённым использованием правил <...> Такое-то и такое-то движение коня считается правильным в шахматах, такая-то и такая-то позиция считается матом, такая-то и такая-то персона, которая удовлетворяет определённым характеристикам, считается Президентом Соединённых Штатов и так далее» [10. Р. 88]. В тот момент, когда коллективная интенциональность принимает вещи как наделённые определённым статусом и соответствующей этому статусу функцией, возникает институциональный факт. «Утверждения, содержащие такие слова, как “женился”, “обещает”, “хоум-ран” и “пять долларов”, излагают факты, чьё существование предполагает определённые институты: человек обладает пятью долларами, произведёнными институтом денег. Устраните институт, и всё, что он имеет, – это прямоугольный клочок бумаги с зелеными чернилами на нём. Человек выбивает “хоум-ран”, если существует институт бейсбола, без него он только бьёт по шару палкой. Также человек вступает в брак или даёт обещание при наличии этих институтов. Без них он просто произносит слова и делает телодвижения. Мы в силах охарактеризовать такие факты как институциональные, в противоположность неинституциональным или грубым фактам: этот человек обладает кусочком бумаги с зелеными чернилами – это грубый факт, а институциональным является то, что у него есть пять долларов» [8. Р. 54–55]. Собственно говоря, всё это объясняет возникновение источника аскриптивных высказываний – чтобы он возник, должно быть использовано конститутивное правило, т. е. задающее параметры как поведения, так и функционирования институциональных систем в целом.

Идея Дж. Сёрла о конститутивных правилах сходна с идеей Г. Харта о праве как системе первичных и вторичных правил. Истоком права у Г. Харта выступает не суверен как какой-либо конкретный законодатель, но языковая юридическая практика. Язык создает границы применимости тех или иных действий. Абрисом системы права выступает логико-онтологическое деление на первичные и вторичные правила (изобретение которых Г. Харт сравнивает по масштабу с изобретением колеса). Отсюда право неморально по своей природе. Фигура законодателя получается случайной в историческом смысле. Сложившаяся в конкретном социальном мире практика (прежде всего, речевая) в области права и воплощенная в системе первичных и вторичных правил и выступает фундаментом власти. Недаром французский социолог Пьер Бурдьё говорит о том, что в социальном мире самая острая борьба разворачивается вокруг борьбы за права на «номинацию». «Концентрация юридического капитала является центральным аспектом более широкого процесса концентрации символического капитала в различных его формах. Этот капитал служит основой специфического авторитета обладателей государственной власти и, в частности, такой ее разновидности, как власти наименования» [11]. В этом смысле институциональные факты (как и аскриптивы) не являются ни истинными, ни ложными. Существует лишь возможность их отмены или признания того, что процедура наделения статусной функцией была проведена некорректно.

Литература

1. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное. М.: Идея-пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999.
2. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
3. Борисов Е. В. Основные черты постметафизической онтологии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009.
4. Харп Г. Понятие права. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007.
5. Харп Г.Л.А. Приписывание ответственности и прав / пер. и авт. предисл. В. В. Оглезнев; ред. пер. В. А. Суровцев // Правоведение. 2010. № 5.
6. Hart H.L.A. Acts of Will and Responsibility // Punishment and Responsibility. Oxford University Press, 2008.
7. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Prentice-Hall, 1963. P. 156.
8. Searle J.R. How to Derive «Ought» from «Is» // Philosophical Review. 1964. Vol. 7, No. 1.
9. Searle J.R. Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language. Oxford: Alden Press, 1969.
10. Searle J.R. Freedom and Neurobiology. Reflections on Free Will, Language and Political Power. New York: Columbia University Press, 2007.
11. Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/704> (дата обращения: 22.01.2016).

Yuriev Roman A. Kuzbass Institute of FPS of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation)
DOI: 10.17223/1998863X/34/23

THEORY OF SPEECH ACTS AND THE SOURCE OF INSTITUTIONAL FACT

Keywords: speech acts, institutional fact, status functions

The article considers of the theory of speech acts in the frame of the analytical philosophical tradition. The investigation of the speech acts theory seems very actual in the context of «linguistic turn» in the philosophy of XX century. It's the most famous concepts can be used in the philosophy of law and have an important meaning in issues of ontological foundations of society, relations between language and consciousness. It is considered the evolution of the theory of speech acts from initial concept of “performative utterance” to the attempt of the creation of social ontology in the concept of “constitutive rule” and “institutional fact”.

References

1. Austin, A. (1986) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Ideya-press; Dom intellektual'noy knigi.
2. Hoffman, I. (2004) *Analiz freymov. Esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Analysis of frames. An essay on the organization of everyday experience]. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences; Institute of The Public Opinion Fund.
3. Borisov, E.V. (2009) *Osnovnye cherty postmetafizicheskoy ontologii* [The main features of post-metaphysical ontology]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Hart, H.L.A. (2007) *Ponyatie prava* [The Concept of Law]. Translated from English by E. Afonasin, M. Babak, A. Didikin & S. Moiseev. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
5. Hart, H.L.A. (2010) *Priписывание otvetstvennosti i prav* [The attribution of responsibilities and rights]. Translated from English by V.V. Ogleznev. *Pravovedenie*. 5.
6. Hart, N.L.A. (2008) *Punishment and Responsibility*. Oxford University Press.
7. Goffman, E. (1963) *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. Prentice-Hall. p. 156.
8. Searle, J.R. (1964) How to Derive “Ought” from “Is”. *Philosophical Review*. 7(1). DOI: 10.2307/2183201
9. Searle, J.R. (1969) *Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language*. Oxford: Alden Press.
10. Searle, J.R. (2007) *Freedom and Neurobiology. Reflections on Free Will, Language and Political Power*. New York: Columbia University Press.
11. Bourdieu, P. (2006) *Dukh gosudarstva: genezis i struktura byurokraticheskogo polya* [The State Spirit: Genesis and structure of the bureaucratic field]. [Online] Available from: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/704>. (Accessed: 22nd January 2016).